

КОНТЕКСТЫ

А.А. ГУГНИН

О НЕИЗБЕЖНОМ ЕДИНСТВЕ
ЕСТЕСТВЕННОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ¹

1. Существующее ныне разделение науки на естественную и гуманитарную противоестественно и ложно. Вся и всякая наука есть создание (вымысел, миф) человека. Единственный источник, до сих пор создававший и создающий науку, – человеческое сознание, единственная легитимная форма бытия человеческого сознания – Слово. И физику и филологию творит человек, и там и здесь в равной мере возможны как открытия, так и заблуждения. Уже на вышеназванном основании можно признать всего лишь логической уверткой попытки разделить науку на две половины по принципу сосредоточенности на самом человеке (психология, социология, политология и т.д.) или же направленности вовне человека (геология, ботаника, география и т.д.). Эта логическая увертка, игнорирующая единственный источник науки, повлекла за собой длиннейшую цепь недоразумений, в результате которых западный человек оказался выключенным из единой системы природы и космоса, словно бы он и не является их творением, а прибыл на Землю неизвестно из каких миров и сам целелолагает и себя, и природу, и космос. Знаменитый для старшего поколения советских людей лозунг дедушки Мичурина «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача» (на самом деле скорее всего придуманный каким-нибудь ушлым журналистом) есть квинтэссенция всей западной цивилизации, гнавшей ее колумбов грабить открываемые земли и материки и уничтожать всякое сопротивляющееся этому разбою коренное население. Фашистская Германия, Советский Союз и США – три наиболее ярких – хотя и очень разных примера воплощения самого духа западной цивилизации в XX веке. Первых двух уже нет, и в последние годы США наиболее выпукло демонстрирует, как на практике действует основной принцип цивилизации данного типа.

Оставив здесь в стороне вопрос о праистоках западной цивилизации, отметим лишь, что современный этап этой цивилизации обозначился уже в эпоху Реформации и Возрождения, когда были сломаны основные догматы католической церкви и сделан важнейший шаг к свободе и произволу индивидуального человеческого сознания. Ничего нового европейский человек в дальнейшем пока не изобрел – вся новая и новейшая история легко может быть описана как последовательное развертывание (и воплощение в жизнь) свободы человеческого сознания, когда те или иные мыслительные идеи, зарождаясь в отдельных "головах", постепенно "овладевали массами" и тем более доводились до полного абсурда, чем целенаправленнее и ожесточеннее поверившие в них люди пытались воплотить их в реальной жизни (*tabula rasa* просветителей, идея арийской избранности германцев у национал-социалистов; в настоящее время США, используя инструмент НАТО, доказывают неопровержимую мощь идеи свободы и демократии с помощью бомбовых ударов и иных форм силового нажима). Европейское сознание, пошедшее путем наиболее радикального разрыва личности с унаследованной традицией, обеспечило себе стремительное развитие, которое, однако, напоминает и стремительную скачку к пропасти, ибо быстрое движение при ложных посылах рано или поздно, но все же неизбежно подводило западный мир (и Россию также – по мере ее интенсивной включенности в западную модель сознания) к очередной катастрофе. Современное западное сознание сейчас смоделировано таким образом, что ложные послышки об индивидуальной свободе личности в рамках социальной и космической среды жестко и напрямую связываются со страхом потерять эту индивидуальную свободу, если со всей решительностью не выступить против ее врагов (сербов, например). И эта модель работает пока совершенно безупречно в головах подавляющего большинства западной интеллигенции – именно потому, что эта модель освящена многовековым развитием рационалистического европейского сознания; она кажется солидной и научно обоснованной – несмотря на все несуразности и абсурд реальной европейской истории.

¹ Настоящая работа является попыткой автора максимально кратко сформулировать наиболее общие итоги 40 лет эмпирической литературоведческой работы, отчасти отраженной в кандидатской и докторской диссертациях и в 500 научных публикациях, см.: Гугнин А.А. Библиография литературоведческих, литературно-критических публикаций и переводов. Москва – Новополюцк, 1995. – 63 с.; продолжение в кн.: Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск четвертый. М., 1998. С. 106 – 108. (Библиография литературоведческих и литературно-критических публикаций кафедры зарубежной литературы МГОПУ в 1995–1997 гг.). В публикуемых тезисах автор стремился развить некоторые идеи монографии: Гугнин А.А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М., 1998 (Доклады Научного центра славяно-германских исследований). Данные тезисы впервые опубликованы в сб.: Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск восьмой. – М.: МГОПУ, 1999. – С. 3 – 12.

И весь этот абсурд не имеет шансов быть прекращенным, пока европейское сознание не попытается найти для себя более надежный фундамент и поставить на этот фундамент всю систему воспитания и образования. При том, что сегодня в школах и вузах репродуцируется массовое рационалистическое сознание, идеалом которого является развертывание индивидуальной свободы отдельной личности, практически почти нет надежды, что будут правильно поняты и восприняты голоса отдельных мыслителей, предупреждавших о вредности этого идеала и о губительности этого типа сознания (Гёте в «Фаусте», например, или Достоевский в «Преступлении и наказании» и «Бесах»). Современное прагматическое сознание легко находит уловки и лазейки, чтобы обойти суть проблемы, заключающуюся в ложных исходных посылах европейского массового научного мышления Нового времени, до сих пор не желающего расставаться с положительной верой в созидательные способности европейского рационального сознания.

2. Одним из пробных камней и ловушек стало для европейского сознания отношение к мифу. Вместо того, чтобы продолжать осмысление исходного этимологического содержания понятия древнегреческого *Mythos* = Слово, европейское сознание устремилось в русло Логоса, довольно быстро оформившись в риторику. В рамках европейской риторической культуры миф не только утратил свою ключевую роль, но уже в эпоху Просвещения подвергся уничтожающей критике со стороны авторитетных представителей элитарного научного сознания (Вольтер) и был затем решительно вытеснен на роль примитивно-го «детства человечества» в позитивистской науке XIX века. Эта ситуация в своих основных чертах сохраняется и по сей день, несмотря на усилия Гердера и Гёте, романтиков и символистов, Джойса, Кафки, Мейринка и магических реалистов в XX веке, несмотря на уже существующие сотни книг и статей, где вырабатывается совершенно иной взгляд на особую роль мифа во всей человеческой истории. Но поскольку не преодолено размежевание естественных и гуманитарных наук и господствующей формой современного сознания является прагматизм, сосредоточенный на достижении сиюминутных благ и не заглядывающий в будущее, то остается неизменной позитивистская схема воспитания и образования, репродуцирующая массовое прагматическое сознание, чреватое дальнейшими катастрофами.

3. Миф – исходная и единственная форма бытия человеческого сознания, ибо миф есть слово, а слово есть миф. Миф – образ (фрагмент) мира в человеческом сознании, выраженный словом. У человеческого сознания нет иной, более мощной формы выражения своего бытия, чем слово. Все другие семиотические системы коммуникации, разумеется, важны и интересны, но вся человеческая цивилизация как таковая основана на слове, и, значит, на мифе. Но слово – двуликий Янус, распахивающий перед человеком мир истины и тут же искажающий и затуманивающий ее. Словом мы осваиваем мир и одновременно же заслоняем его от себя, потому что мы переводим предметный мир (реальность) в мир нашего сознания. Происходит своеобразный "перевертыш" – реальность нашего сознания становится для нас часто важнее, весомее самой реальности – мы больше верим образам нашего сознания, чем самим фактам. В нашем сознании факты и предметы внеположенной нам реальности, то есть по отношению к нам независимые и объективные, становятся зависимыми и субъективными.

Таким образом, Слово для человека стало величайшим благом и одновременно величайшим злом. Словом он может прояснить и высветить картину мира и состояния собственного сознания и словом же может затемнить и сфальшивить ее. Слово стало в руках (устах) человека необходимым инструментом, подобным молотку, которым можно забить полезный гвоздь, но можно же проломить череп своему ближнему.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть. В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его», – замечательные слова, которыми открывается святое благовествование от Иоанна. Эти слова свидетельствуют о Добре Слова, завершившего сотворение человека. Но уже с первых веков христианская религия постоянно порождала мощные ереси, а затем и вовсе распалась на православие, католичество, многочисленные течения протестантизма, униатскую церковь и трудно исчислимое количество разнообразных сект – это ли не лучшее подтверждение двуликости Слова, даже столь божественного как Библия. Уже только это должно было бы настраивать любого образованного и мыслящего человека христианского мира (и, не в последнюю очередь, разросшуюся секту атеистов) весьма скептически по отношению к собственному сознанию, искать возможности критического дистанцирования от собственной субъективности, во всяком случае – смягчения ее. Но образование в большинстве случаев в силу уже названных причин становится скорее тормозом, чем проводником взаимопонимания. Нравственный подвиг В. Соловьева, с трагическим самоожжением искавшего выход из этого тупика, кажется, еще не скоро будет оценен по достоинству, то есть как предвестие необходимого и неизбежного будущего. А пока почти каждый утверждает единственную истинность собственного субъективного сознания, упрямо репродуцируя свой индивидуальный миф и свое личное слово. Исходя из этой абсурдной ситуации, постмодернизм, устраняющий саму мысль о возможности единственной Истины, можно считать явлением естественным и закономерным, ибо теперь один абсурд (наличие многих Истин, утверждающих свою единственность) уравнивается другим абсурдом

(избирай любую из наличного арсенала Истин и тешься с ней, пока не надоест, но не мешай и другим играть в свои игрушки, ибо единственной Истины не было, нет и не будет).

4. В эпоху Просвещения окончательно сложилась концепция рассмотрения человеческой истории с точки зрения идеи непрерывного общественного прогресса. Идея прогресса захватила в свою орбиту все науки – и естественные и гуманитарные – и господствует в массовом сознании до сегодняшнего дня, показателем этого опять-таки является вся система европейского школьного и вузовского образования. Этот предвзятый взгляд на человеческую историю и культуру вольно или невольно привел к субъективной идеализации прогресса, к выпячиванию положительных (вершинных) достижений и к затушевыванию или даже игнорированию всего остального, не укладывающегося в идею прогресса или даже опровергающего ее. Вся культура христианского мира с точки зрения идеи прогресса построена на долженствовании, на нравственном императиве Нового Завета, процитирую для наглядности лишь небольшое стихотворение швабского романтика-протестанта Л. Уланда, которое можно было бы поставить эпиграфом (или эпитафией) ко всей истории европейского гуманизма:

Власть

Из всех властей, что о Земле радеют, –
Пусть рады им народы иль не рады,
Есть лишь одна: чем большим завладеет,
Тем больше будет на Земле отрады.
Краса, добро и правда не стареют –
Они не ждут ни славы, ни награды,
Пред властью их обязаны склониться
Сыны свободы и ее убийцы².

Христианские гуманисты несколько столетий взывали к идеалам «добра, красоты и правды», но реальная история христианской цивилизации шла своим кровавым путем, наиболее очевидной чертой которого была агрессивная нетерпимость к инаковерующим и инакомыслящим, к инакоживущим и вообще ко всем более слабым. Американская протестантская цивилизация, начавшая с безжалостного вытеснения и уничтожения коренного населения Америки, продолжает и сегодня совершенствовать ту же тактику собственного диктата (но теперь уже распространяя ее постепенно на весь мир), поддерживаемую все более совершенным и все более сокрушительным оружием и основанную все на той же идее нетерпимости к инокодумающим и инакоживущим и на уверенности в своем праве и превосходстве.

Гуманистическая концепция культуры в XX веке повсюду обнаруживает свою односторонность и несостоятельность. Первое условие преодоления этой возрастающей субъективности – это отказ от оценочного подхода к человеческой истории и культуре, ибо всякая оценка еще более усугубляет аксиоматическую субъективность нашего сознания. Все наличные попытки оценочных подходов к человеческой истории и культуре представляют собой безнадежный тупик, потому что сразу же обнаруживают субъективность оценивающего, представляющего ту или иную религию, политическую партию, философскую или эстетическую концепцию и так далее. Абсолютно все, что претерпевает или творит человек в ходе тысячелетий своей истории, – все это и есть его реальная история и его реальная культура. Каков сам человек, такова и его история и культура.

5. Это категорическое требование полного отказа от оценочных подходов в сфере человеческой истории и культуры, равно как и в сфере всех гуманитарных наук, на практике, видимо, неисполнимо, во всяком случае в настоящее время: все христианство основано на разделении «добра» и «зла», вся критика и публицистика в конечном итоге сводится к оценкам, все гуманитарные науки исходят из тех или иных концепций и тратят десятилетия или столетия для доказательства тех или иных оценочных позиций. Так было и, видимо, так всегда и будет. Каждому отдельному человеку – писателю, ученому или критику – отпускается для жизни слишком малый срок, но, как правило, все же достаточный, чтобы выговориться, раскрыть неповторимые черты своей оригинальности и субъективности, обогащая тем самым представление о человеческом многообразии и о неисчерпанности его возможностей, выражением которой именно и является своеобразие и оригинальность каждого творческого художественного или научного (или вообще любого) дарования. Но и само это бесконечное разнообразие форм проявления человеческих возможностей должно же иметь под собой более глубокое основание и объяснение, чем объяснение человеческих деяний только собственной человеческой волей и собственным человеческим хотением или не хотением. Ведь жизнь на Земле все же сотворена не человеком, и уж никаким образом человек не мог сотворить себя сам. Только самонадеянность и особая субъективность европейского сознания позволили ему выдвигать идеи о целесообразности человеческого существования и о смысле человеческого бытия. На вопросы о цели и смысле человеческого бытия (равно как и мироздания в целом) серьезная наука

² Перевод мой. – А. Г.

ответов дать не может, ибо это не входит в ее компетенцию. Но как же тогда возможны оценочные подходы в науке, если у человека нет и не может быть ответов на основополагающие вопросы собственного бытия? Круг замыкается, если мы повторим, что возможность целелогагать, отвечать и оценивать дает человеку субъективность его сознания, субъективность, носящая, однако, объективный, то есть не зависящий от самого человека, характер. Вопрос, следовательно, в том, чтобы понять, способен ли человек в полную меру осознать эту объективную субъективность своего сознания и, осознав ее и законы ее функционирования, попытаться скорректировать, устранить или нейтрализовать ее негативные последствия для своего мышления? Речь здесь идет, в первую очередь, о научном мышлении.

6. Корректировка объективной субъективности сознания возможна, на мой взгляд, при условии упразднения разделения естественной и гуманитарной науки, их взаимопроникновения, восстановления единого облика и образа науки как науки всегда и неизбежно гуманитарной и всегда и неизбежно очеловеченной. Тогда все достижения современных естественных наук, изучающих Космос, Землю, проблемы происхождения жизни на Земле и характер бытия и эволюции населяющих Землю живых организмов, – все это будет корректировать человеческое сознание в сторону большей объективности.

Я хочу здесь предложить некоторый набросок, эскиз концепции человека, человеческой культуры и некоторых возможных направлений (поисков) в современной науке, которые, по моему разумению, вытекают из научно-культурологических идей Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945). В научном творчестве Вернадского фанатический позитивизм строгой европейской экспериментальной науки поразительным образом соединился с так называемым русским космизмом (Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский и др.). Под многие "сногшибательные", но эмпирически недоказанные идеи и прозрения русских космистов Вернадский подвел максимально возможную в его время экспериментальную эмпирическую базу.

7. Несколько основополагающих идей Вернадского, которые необходимо учитывать в любой гуманитарной науке: от юриспруденции до культурологии и литературоведения.

1) В 1908 году Вернадский впервые ввел понятие «живое вещество» и «живое вещество Природы», которое разрабатывал затем до конца жизни, создав совершенно новую науку *биогеохимию* и рассмотрев в ее рамках проблему жизни и проблему человека. Вернадскому удалось то, что не удалось, например, З. Фрейду, который в молодости мечтал найти химические формулы для психических процессов, но стал вместо этого гениальным писателем-фантастом, создателем жанра документальной психомифологии.

2) Развивая понятие *биосферы*, то есть сферы живого, Вернадский стал истолковывать ее как планетное явление космического характера, а человечество рассматривать как часть живого вещества природы: «Человечество как живое вещество неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки Земли – с ее биосферой. Оно не может физически быть от нее независимым ни на одну минуту» [1, с. 305].

3) Вернадский развил идеи о человечестве как «мощной геологической силе», которая, входя неотъемлемой частью в состав биосферы, в то же время представляет собой «совершенно новое геологическое явление на нашей планете» – ноосферу, сферу разума, – «современную стадию, геологически переживаемую биосферой». По определению Вернадского, «ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой» [1, с. 309].

4) Из многочисленных определений ноосферы, которые давал Вернадский, я приведу здесь еще одно: ноосфера – это «новый стихийный геологический процесс», в рамках которого можно рассматривать «исторический процесс человечества как продолжение биогеохимической истории живого вещества» [2, с. 185].

5) «Нет той инертной, безразличной, с ним не связанной среды для живого вещества, которое логически принималось во внимание при всех наших представлениях об организме и среде; организм – среда; и нет того противопоставления: организм – природа, при котором то, что происходит в природе, может не отражаться в организме, а есть неразрывное целое; живое вещество – биосфера, причем совокупность организмов представляет живое вещество.

Целый ряд следствий, которые можно было делать, когда говорилось об организме-среде, не может иметь места, когда мы имеем отношение: живое вещество – биосфера» [3, с. 544].

6) Особенно важное и трудно переоценимое значение для гуманитарной науки на пути преодоления ею объективной субъективности сознания имеет тезис Вернадского о том, что каждое новое, эпохальное достижение человеческого разума «было бы увенчанием долгой палеонтологической эволюции, явилось бы не действием свободной воли человека, а проявлением естественного процесса. Человеческий разум этим путем не только создал бы новое большое социальное достижение, но ввел бы в механизм биосферы новое большое геологическое явление» [4, с. 302].

8. Самый первый вывод для современного гуманизма, который напрашивается даже из поверхностного обращения к идеям крупнейшего геобиофизика XX века, состоит, кажется, в том, что гуманистический, имея дело прежде всего со «свободной волей человека», не может останавливаться на стадии

любования или негодования по поводу этой «свободной воли», а должен стремиться осознать эту кажущуюся «свободную волю» как закономерное следствие «естественного процесса», идущего в «живом веществе природы» в направлении, заданном или диктуемом его космическим окружением. Постепенное раскрытие законов, характера и направления этого диктата – вот задача, которую можно разрешить лишь совокупными усилиями всех наук без исключения. И первое, что для этого необходимо, – это разрушение искусственных перегородок между естественной и гуманитарной наукой.

Кажется, после сказанного уже очевидно, насколько мало могут способствовать развитию подлинной науки оценочные (и моральные) категории и подходы, пока мы не уяснили, «куда несет нас рок событий». Коли уж человечество представляет собой новую геологическую силу, а ноосфера есть «новый стихийный геологический процесс», то есть ли смысл повторять землетрясению, что оно «плохое», а к разрушившему город вулкану подступаться с моральными увещаниями: как плохо ты поступил, разве сам не видишь, никогда больше этого не делай. Лучше уж научиться вовремя предсказывать землетрясение или извержение вулкана и заранее принимать охранительные меры. Именно это и есть дело науки, а не оценочные или моральные заклинания естественных стихийных процессов. Если с этой точки зрения посмотреть на бомбежки НАТО в Сербии, то Россия, похоже, занимается именно моральными увещаниями стихийного вулкана, на первый взгляд, тщательно спланированного, но без учета дальних последствий.

9. При изучении человеческой истории и культуры для их глубокого понимания вовсе недостаточно расположить факты в некоей умозрительно-логической последовательности и рационально сориентированной направленности. Ни одна умозрительная концепция в истории европейской культуры не была осуществлена – все они рано или поздно оборачивались фарсом.

1789 – Свобода, равенство, братство → Наполеон.

1917 – Коммунистический рай на Земле → перестройка.

Отражением инстинктивного понимания этого является современный постмодернизм в философии, культуре и гуманитарных науках – некое игровое состояние культуры, утратившей все ориентиры и ценности.

10. Со всех сторон приходит понимание того, что человечество и его культура – имеют, по крайней мере, двусоставный характер – с одной стороны, человечество идет – как геологическая стихийная сила и часть живого вещества **неизвестно откуда и неизвестно куда**, с другой же стороны, человечество обретает все большую силу и энергетику и, как ему представляется, может развивать эту свою силу и энергетику практически беспредельно, высвобождая все новые виды энергии и обретая с помощью ноосферы все большую мощь. Важнейшая для человека и создаваемой им культуры задача: попытаться понять **соотношение между стихийностью и целеположенностью** его существования и жизнедеятельности. Гуманитарные и естественные науки должны слиться воедино, ибо с помощью философствования (например, Бердяев или философия экзистенциализма, да и, пожалуй, любая другая философия) эту проблему можно только запутать, но не разрешить.

11. Как представляется, развитие человечества пока все еще идет по принципу развития «живого вещества» – это принцип бесконечных проб эволюции: природа словно хочет перепробовать все мыслимые возможности, которые может предоставить достигнутый ярус эволюции. Эти возможности или пробы с точки зрения нашей морали или идеалов сознания могут быть прекрасными или отвратительными, но Природу это не волнует, она ищет что-то свое, какой-то оптимальный вариант для каких-то неведомых целей. И этот вариант рано или поздно утверждается, хотя бы на некоторое время.

12. Ноосфера, судя по ее нынешнему состоянию, весьма далекому от всяких человеческих представлений о добре и справедливости (я уже не говорю об Иисусе Христе и Новом Завете), не конечный, но всего лишь промежуточный пункт в истории человечества. Это переходное состояние с его бесконечными пробами конфликтов, вырастающих на почве примитивных инстинктов и сугубо прагматических интересов, не может продолжаться бесконечно долго. Видимо, ноосфера рано или поздно, достигнет нового яруса эволюции, перейдет в какое-то иное качество.

Самый интересный вопрос: зависит ли это будущее новое качество ноосферы от самого человека или же это – осуществление не зависящего от человека общего космического замысла? Но ответа на этот вопрос современная наука дать не может.

1999, февраль–апрель

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский, В.И. Несколько слов о ноосфере // Русский космизм: Антология философской мысли / В.И. Вернадский; составление С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой. – М., 1993.
2. Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Дичковым. – М., 1979.
3. Вернадский, В.И. О логике естествознания // Вернадский В.И. – Т. 1. О науке. – Дубна, 1997.
4. Вернадский, В.И. Автотрофность человечества / В.И. Вернадский // Русский космизм.